

16+

Кондратий Пахотин

На досуге

Кондратий Пахотин

На досуге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47184280

SelfPub; 2019

Аннотация

Автору книги – 90 лет. Кондратий Антипович пишет стихи на протяжении всей жизни. К юбилею автора его дети и внуки собрали все записи за много лет и составили сборник стихов, отражающих не только жизнь отдельного человека, но и эпоху, в которой он живет.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Была комиссия, уехала,
Схватив поспешно чемоданы,
А мы ей вслед смотрели весело,
Попрятав руки по карманам.
Была комиссия, оставила
Небрежно брошенные книги,
Рассказанные нам пикантные,
С недобрый запахом интриги.
Затихли яростные споры,
Почти до ссоры и до драки,
Об этом мы забудем скоро,
Попрятав по шкафам бумаги.
Была комиссия... и нет её,
Сидит уютно в фюзеляже,
А дождь идёт совсем по-летнему,
И что зима у нас, не скажешь.
XI .1980

Баю-баюшки! Спи, моя хорошая,
Расплескалась ночь снежную порошею,

Вьюга к нам в окно снежная стучится,
Полы распахнув. Быстро к лесу мчится
Лис среди берёз, след, как строчку, строчит,
Ветер вслед ему скачет и хохочет.
И к земле без жалости пригибает ёлки,
Укрывает снегом рыжие иголки.
Баюшки-баю! Спи, моя желанная,
Скоро прилетит зорькой ранней-раннею
Из далёких стран розовая птица
И подарит счастье маленькой девице,
Чтоб не знала впрок слез и одиночества,
Чтоб свершилось все, что душе захочется,
Чтоб дружила верно с уходящим веком
И была весёлым, добрым человеком.
Баюшки-баю! Спи, моя весенняя,
Песенку спою на стихи Есенина
О рябине, клёне, о костре не греющем,
О природе девственной, светлой, не стареющей.

I .1982

За переплётами дверей
Кипят невидимые страсти.
По воле должностных людей,
Их строгой непреклонный власти
И не терпящих полумер,
Теперь я главный инженер.

Своей работою смышленной
Я должен подавать пример
Бойцам, войною опаленным,
И сединою убеленным
Сорокалетним молодцам,
Чуть оперившимся юнцам
И должен чувствовать всегда
Напряжение труда.
На удивление друзьям,
Коллегам давним по работе
Взвалил себе на плечи я
Неодолимые заботы.
Один назвал меня глупцом,
Болваном, даже подлецом,
Другой молчал, в глаза смотрел,
Потом сказал: «Ты, парень, смел,
Что не боишься сложных дел,
Что в этот дом пойти посмел».
И даже кроткая жена
Моя была раздражена.
Во след за солнечным лучом
Иду походкой молодецкой
Туда, где за своим столом
Блокнот марает Городецкий
И что-то грустное поет,
Не соблюдая стройность нот,

Где телефонные звонки
Бушуют наперегонки,
Туда, где словно злая фея,
Живёт и властвует идея,
Где из широкого окна
Видна бегущая волна
И стерегущий океан
Седой Вилючинский вулкан.
Я день в упрямом напряженье
Звонками зло на части рву,
Дел пыльных папки в исступленье
Несу, как сорную траву.
Чтоб груды дел в архив сложить,
Чтоб их не предали забвенью,
Я делом должен заслужить
Почёт, признание, уваженье.
И лучше всех я должен знать,
Как настелить болотам гать,
Как упредить лесной пожар
И гидравлический удар.
И лес – прекрасный дар природы,
Отдать служению народу!

II 1982

Между лесом и горой,
Там, где место чистое,

Только зимнею порой
Светит Аметистовый.
Слышен в нем собачий лай,
Слышен дух берёзовый,
Ветер зло в декабрь и в май
Треплет вымпел розовый.
Собрались бродяги тут,
Роют землю сменами
И забыли про уют
За родными стенами.
Ищут золото и медь,
Платину и олово
И шумят так, что медведь
Скачет, сломя голову,
Чтобы шкуру сохранить,
Тёмными распадками
Убегает позабыть
Эти звуки гадкие
И ложится отдохнуть,
Мучаясь одышкой,
Не пересечется путь
больше с этим Мишкойю.
Уезжают иногда к
Озеру Таловскому
И бросают невода,
Ловят чира плоского,

Открывают «тормозки»
С хлебною краюхою,
А потом вперегонки
Без оглядки ухают.
Поредели тополя
Над рекою чистою,
Укрывается земля
Крапленными листьями,
Поджидают вертолёт,
Что порхает птицею,
Собираются в полёт
На базу экспедиции.
Прилетают поутру
С песнями былинными
И пугают детвору
Бородами длинными.

V 1982

Тринадцать – скверное число,
Молва людская утверждает,
Что в этот день приходит зло,
Удача чаще покидает.
Льют, говорят, свирепее дожди,
Темнеют даже белые берёзы.
Не радуйся, недоброй вести жди,
За смехом вслед всегда приходят слёзы!

А если хочешь избежать беды,
Иди туда, где заросла дорога,
Возьми с собою ветку лебеды
И милости проси покорно Бога.
Тринадцать – скверное число,
Мне говорят, но я не верю.
Я открываю бодро двери
И уезжаю за село.
И не боюсь я чёрной кошки,
Во след с пустым ведром плюю
Идущей тихо по дорожке
Девице. Весело пою
Про мир весёлый и чудесный,
Про верную любовь пою,
Пою ещё о чем-то песню.
Вдруг... У обочины стою -
Умолкла вдруг моя машина,
Осела слабо на бочок,
Спустила воздух, вроде, шина.
А что же я? А я молчок.
Потом ругать я начал кошку,
Что мне дорогу перешла,
И девицу, что по дорожке
С пустым ведром навстречу шла.
Сам достаю ключи, резину,
Верчусь, движенья торопя.

В сердцах ругаю бабу Зину,
Ругаю всех, но не себя,
И ожила моя машина,
Сажусь за руль, и я в пути.
Пусть посмеет бабка Зина
Теперь дорогу перейти!

IV 1985

Дорога у порога, прочь сомнения
И сборов суету, и обжитой уют.
А сердце гулко бьется в нетерпенье,
И чемодан друзья несут.
Ещё живо прикосновенье
Любимых губ и тихое «прости».
Придёт ко мне, быть может, просветление
В громоздком шуме дальнего пути.
Возможно, гул стремительного взлёта,
Очарование небес,
Улыбка старого пилота
Убьют во мне упрямства дикий всплеск.
Сойду на дальнем полустанке
Купить газету и конверт,
Где нет обманчивой цыганки
И никого знакомых нет.
Пойдёт в туман экспресс зелёный,
От утомленья бросит в сон,

И будет только монотонно
Стучать колёсами вагон.
И тихо встанет у вокзала -
Приюта радости и слез,
Приюта всех людских страданий,
Надежд несбывшихся и грёз.
Но мне к нему – Увы! – не надо,
Мне к детству сердцем прикоснуться,
Таёжные край окинуть взглядом
И, погрузив, домой вернуться.

1988

Почему гнетёт тревога?
Почему в душе печаль?
Может, в даль зовёт дорога,
Или мне чего-то жаль?
Может, годы утомили
Напряжением труда,
Дни, что в молодости были
Светлой радостью всегда?
Или скуку нагоняют
Мне осенние дожди,
Или слабая надежда
В скромном слове: «Подожди».
Подождите. Подождите...
И узнает белый свет,

Что по важности событий
Нам на свете равных нет!
В радио-газетном буме
Много слов и хвастовства.
Жаль, что в этом нужном шуме
Не хватает естества!
И с завидным постоянством
В жизни хвалим мудреца,
Чтоб, оправившись от транса,
В нём увидеть подлеца.
Только кто разумно может
Объяснить в конце концов,
Кто же так умело множит
Подхалимов и льстецов.
Верю я, что перестройка
Не девчонкой-егозой,
А промчится жизнестойкой
Очистительной грозой.
К удивлению иностранцев
Весело, как на парад,
Собирался кворум старцев
Для вручения наград.
Подхалимов камарилья
Станет кучками и в ряд,
Похвалы, как птичьи крылья,
В тёплом воздухе парят.

И в восторженном экстазе
Крикнут: «Браво и ура!»,
Не задумавшись ни разу,
экономика – дыра.

Потому душа в печали,
Даже оторопь берет,
Перестройку мы начали,
Лишних тысячи забот,
Лишних тягостных усилий
Снова на себя взвалили,
Или вновь наоборот –
От ворот да в поворот?

1989

В летнем небе не слышно блеснула зарница
Внезапно, как выстрел, за ивами Буга.
В ветвях завозилась уснувшая птица
У края опушки растущего дуба.
Окончился день и умчался куда-то,
Махнул на прощанье рукою заката.
Прохладная ночь накатилась упруго –
Надежды, любви и разлуки – подруга,
Туманной вуалью укрыла вокруг
Разрушенный дом и заброшенный пруд,
Укрыла следы отшумевший войны
И отблеск в воде отраженный Луны.

Когда-то, двадцатого века в начале,
Здесь песни звучали и слёзы печали,
Здесь страсти кипели, кипела работа,
Жила здесь о будущей жизни забота,
Тут клали когда-то кирпич к кирпичу,
Бедному – хлеб, лишний злат – богачу.
Здесь жили и строили мирные люди,
Молились Христу, соблюдали обряды,
Но в шорохе в вечность исчезнувших будней
На каждого тайно точились снаряды,
Готовились ткани и шились шинели –
Маячил над пашнями призрак шрапнели.
Давно окончилась война,
Посеяв смерть и пустоту.
И смотрит с высоты Луна
На всю земную суету.
Пряча след цивилизаций,
Катится время по спирали,
Погибшие не возвратятся,
Не знают скорби и печали,
Не видят утренние зори,
Не могут с близкими встречаться,
Лишь мчится время по спирали
И прячет след цивилизаций.

1989

Открытый враг и тайный враг –
Простые, в общем-то, понятия,
Но будь умён, а не простак,
Не угоди ему в объятья.
Открытый враг убьёт тебя
В атаке яростно-упорной,
А тайный, ласково скорбя,
Опутает молвою чёрной.
С врагом открытым, как с судьбой,
Нельзя играть в слепые прятки,
Когда идёт открытый бой,
Судьба не принимает взятки.
А тайный враг, как верный друг,
Твои усилия умножит,
Но если ошибёшься вдруг,
Он, торжествуя, уничтожит.
Открытый враг и тайный враг -
простые, в общем-то, понятия,
Но смерть, конечно, не пустяк,
Чтобы искать её объятья.
Двадцатый век, как гений злой,
Враждой и голодом объятый,
И смерть с зазубренной косой
Собрали урожай богатый.
Что нам несёт грядущий век?
Любовное вино в кувшине,

Иль на свободу человек
Отпустит ядерного джина?
Открытый враг и тайный враг
Из одного семейства братья,
Но смелым будь, не бойся драк,
Держи врага в своих объятьях.
1989

До свидания, Стофато!
Впереди у нас Тайшет.
Здесь хранится память свято
В летописи прошлых лет.
Тут всегда мужчины жили,
Ели хлеб, любили жён,
И одни в леса ходили
С острым кованым ножом.
А по воле господина,
Как бы не был путь далёк,
Уходили и на Запад,
И на Юг, и на Восток.
Но под кронами деревьев
Продолжалась жизнь своя,
Им на смену незаметно
Подрастали сыновья.
Их изменчивое время
За собой вело опять,

Обещая всем за верность
В души горечи печать.
До свидания, Стофато!
Ближе, ближе к нам Тайшет,
И хранится память свято...
Память – есть, героев – нет.
Тут давно утихли страсти
И умолк предсмертный крик,
Вынес все капризы власти
Русский кондовый мужик.
Он по прихоти державной
Строил Беломорканал,
Умирал в трясине ржавой,
В Магадане умирал.
Оклеветанный, избитый
И разлученный с семьей
Без вины семь раз убитый,
Но вернувшийся домой.
Стал усталою рукою
Править избы и погост,
Рассуждая сам с собою,
Мастерить ажурный мост.
И железною дорогой
Резать надвое леса,
Слева, справа – гор отроги,
Прямо – блеск от колеса.

До свидания, Стофато,
Как-то встретит нас Тайшет,
Ведь под крышей нашей хаты
Мира не было и нет.

1989

Как-то летнею порой
Над высокою горой
Загорелся яркий свет -
Неопознанный объект
В чистом небе появился,
Над горою покружился,
Выбрал ровную площадку,
Осмотрелся для порядка,
Над площадкой повисел,
А затем на землю сел.
Из сидящего объекта
На площадку вышел некто,
Оглянулся осторожно,
Убедился – дышать можно,
Объект сделал невидимкой
И заросшей тропинкой
Через каменный завал
От объекта пошагал.
А внизу растут берёзы,
Вдалеке бушуют грозы,

Меж берёз бегут дороги,
Видны ближние отроги,
Одинокие вулканы
Дремлют, словно великаны,
И такой волшебный тут
И торжественный уют.
По долине у залива,
Как на марше, торопливо
Мчатся быстрые машины,
И сидят в них люди чинно.
Другие же, как муравьи,
Делают дела свои:
Кто раскачивает краны,
Кто подписывает планы,
Кто торгует, кто поет,
А кто просто так живёт.
Опустился к автостраде
И решил: «Подъехать надо».
Постоял часок – другой,
Подвезти просил рукой,
Но гудящие машины
Пробегали мимо – мимо,
Объезжая некто ловко,
Безо всякой остановки.
Не обидевшись ни мало,
В город пошагал устало,

Где под небом голубым
В высоту клубился дым.
Мчатся люди белокожи -
На него обличьем схожи,
На дорогу смотрят зорко,
Исчезают за пригорком.
Как до города добрался,
Некто мне поведал сам -
Долго в поисках ночлега
Он ходил по адресам,
Но дежурные гостиниц
Закрывали грубо дверь
(Что железные теперь).
Но простая молодлица
За собою увела,
Ключ от дома и от сердца,
Не колеблясь, отдала,
Напоила, накормила
И уложила в кровать -
Очень, видно, одиноко
Ей одной ночами спать.
Долго, целых три недели,
Некто в городе прожил
Дни минутами летели,
Ветер песни заводил.
Но в житейской канители

Некто, видно, не скучал,
Энергично три недели
Жизнь, как книгу, изучал.
А потом поднялся в гору,
Где оставил свой объект,
Над горой в ночную пору
Загорелся яркий свет.
Наш военный наблюдатель
Самолёт поднять хотел,
Но объекта обладатель
Быстро в небо улетел.
Долго вспоминали люди
Удивлённо и не зло:
«Неужели это Блюдо -
Загадочное НЛО?»
Только с высоты инстанций
Вновь вопросы раздались:
«Может, к нам американцы
Прямо в город ворвались?»
На космическом объекте
После тягостных хлопот,
Как на комнатной кушетке,
Тихо отдыхал пилот.
После тёплой мягкой ванны,
После завтрака ещё
О земле обетованной

Начал он писать отчёт.
«В соответствии с заданием
Посетил планету я,
Проживают тут земляне,
На меня похожие.
Строятся дома из камня,
И живут колонией,
(А деревья, очень странно,
И трава – зелёные).
Ездят на автомобилях,
Мажут их во все цвета,
Исчезают в клубах пыли
У бетонного моста.»
Так, а может, по-другому
Некто начал свой отчёт.
Дням, проведенным вне дома,
Потерял в полёте счёт.
Но по выправке отличной
И по прожитым годам
Мог бы, думаю я лично,
Покорять столичных дам.
Даже тех, одетых модно,
Чья походка так легка,
Кто не смотрит принародно,
Без народа – свысока.
Мода! Мода! Ты опасна!

Кто по моде платья шьет,
Тот становится прекрасней,
И его душа поет.

Мода оттенит осанку,
Ножки, бёдра, силуэт,
О чем пишут постоянно
И писатель, и поэт.

Мода просит женщин снова,
Для чего, нельзя понять,
Шубки, шляпки и обновы
Каждый час и день менять.

Мода – древняя оправа
Для знакомых и светил,
Ведь недаром Зайцев Слава
Моде годы посвятил.

А космическое тело,
Как мы знаем, улетело.
Повесть можно бы окончить,
Но решительно, умело
Подключилась вдруг печать,
Целый месяц бушевала
Здесь бумажная пурга,
Среди горожан искала
Не раскрытого врага:
Кто ему помог светиться?
Кто сигналы подавал?

Где он мог остановиться?
Кто провёл через завал?
Власти, наконец, решили,
Что вопрос совсем не прост.
Там, где тело опустилось,
Разместить секретный пост.
С сверхсекретнейшим заданьем
По ночам следили чтоб,
Ну, а днём, для оправданья,
Будто для отбора проб.
Озадачили – забыли,
Только люди сметной хватки,
Через две недели были
Там поставлены палатки.
Год прошел, как сон приснился,
Там чиновники живут.
С ними рядом появился
ВНИИ НЛО институт.
Институт заполнен штатом,
С разрисованным фасадом
И на крыше у него
Ярко светит НЛО.
Я узнал, не помню даты,
Есть уже и кандидаты,
И как будто бы вчера
Появились доктора.

XI.1989

Мы сидим у костра,
Прислонившись друг к другу плечами,
И молчим, мы так можем сидеть до утра;
Отражается зыбко, как эхо печали,
В твоих тёмных глазах отражается пламя костра.
Для чего разговор.

Мы друг друга и так понимаем
По движению рук или глаз,
И легко я за плечи тебя обнимаю,
Отдаляя разлуку с тобой
На мучительный миг или час.

Мы сидим у костра,
А над нами нависла безбрежность,
Чью-то тихую песню
К нам ветер, играя, принёс –
Это жизни привет и призыв,
Удивление и нежность.

Эта песенка трогает
Душу до слез.

1989

Я знаю, что смерть никого не щадит.
Время приходит и жизнь обрывается.
Равны перед нею король и бандит,

Невинный малыш и кокотка-красавица.
Только зачем мне о ней вспоминать,
Пусть она бродит, если ей нравится...
Жизнь подарила нам, каждому, мать,
И пусть она в песнях вовеки прославится.

1989

Опять циклон волшебной птицей
Над головой у нас кружится,
Бросая в наши судьбы лица,
Свое презренье и любовь,
И мчимся мы на колеснице,
И силы нет остановиться,
Чтоб отдохнуть и поклониться
За жизнь, терпение и боль.
Над миром призраком летает,
Смеясь и плача, карусель.
И на весах судьбы качает
Следы находок и потерь,
А, может, кто-то гневно дышит,
Спеша, готовит нам ответ,
И на листках своих напишем,
Когда оставим белый свет.
Какая выпала дорога,
По ней безропотно идём,
Не просим милости у Бога,

Свой крест до усталости несём,
Не ищем рай, как Пилигримы,
Что поклониться в Мекку шли,
Огнём и холодом палимы,
На пыльной палубе Земли.
Дорога, длинная дорога,
Как космос, пыльная немного,
Как счастье, полное тревоги,
Любви, отваги и потерь.
Дорога, снежная дорога,
Крутая или же совсем немного,
С рождения и до чертога –
Для всех закрыта в вечность дверь.

1989

Чёрное горе. Чёрная речка.
Чёрные ветры. Чёрные тучи.
Гаснет надежды печальная свечка.
Чёрная сплетня терзает и душит.
Зимняя ночь. Утомилась прислуга.
Светлые сны видят милые дети.
А за чертой освященного круга
Думает Пушкин в своем кабинете.
Утро. Пора. Ничего не забыто.
Ночь улетела, как чёрная птица.
Бьет коренник в нетерпенье копытом:

Пушкин спокойно в пролётку садится.
Выстрел. Удар. Жестокая сила
Бросила навзничь, расстреляна муза,
Но, защищая, что было, что будет,
Глаз пистолета прицелен и узок.
Чёрная боль. Ускользает сознание.
Выстрел поставил последнюю точку.
Силы уходят, уходят желания.
Великих удел – умирать в одиночку.
XII.1989

А к нам опять пришла зима,
Трещат крещенские морозы,
Стужа выжимает слёзы
И плачет инеем сама.
Дома укутались в снега,
И Енисей-река дымится.
Пороша снежная клубится
Дорогой от грузовика.
Кругом покой и тишина.
Берёзовая роща внемлет,
Как под сугробом тихо дремлет
Жизни буйная волна.
Снег скрипит, над головой
Глубина небесной шири,
Мерцанье звёзд в огромном мире,

Как след, оставленный судьбой.

I.1990

Не ходят бабушки в кино.

Уже давно. Давным давно.

Играют бабушки в лото,

Небрежно брошены пальто,

Платки, перчатки, боты

И – никакой заботы.

Оценена в копейку карта.

И в блюде накопилась касса,

Наполнена душа азартом,

Хотя сидят не больше часа,

Перебирая фишки, не чувствуя одышки.

Одна кричит, читая фишку:

«Ну, будь внимательной, Енава,

Опять, Енава, не услышишь,

Лото – игра, а не забава.

Пять, дед, бабка, сорок,

Десять (это за зарплатой),

Баста! Ты, Енава, будешь скоро

Богатой, сказочно богатой!»

Играют бабушки в лото,

Не может выиграть никто.

Милые бабушки – века ровесницы,

Грозного времени тихие вестницы.

Веком-убийцей отмечены,
С нуждою и болью обвенчаны.
Вместе росли – подрастали,
Вместе и взрослыми стали.
Знают разлуки и страсти,
Сыты капризами власти,
Репу с мякиною ели,
Песни печальные пели,
Пели и вместе грустили,
С горем и счастьем дружили.
Все они видели, знают,
Как мужиков убивают,
Как устраняют разрухи,
Теперь они стали старухи.
Силы подорваны, слабы,
Думают: «Больше была бы
Пенсия, жить можно
Было бы дольше...»
«Ужас, что делают в Польше...»
«В Азербайджане стреляют...»
«Ещё будет хуже, я знаю!»
Играют бабушки в лото,
Забыли про одышки,
Не должен им мешать никто,
Они читают фишки.
Три, двадцать, свиньи спят,

Стульчики, семнадцать, пять,
тридцать, девять, сорок шесть...

«У меня квартира есть.

тридцать пять – молодец!

Баста! Низ – наконец!

Эта касса ваша, бабушка Наташа!»

I.1990

Здравствуй, милая Галя!

Мы на вас не в обиде,

За немыслимой далью

Признак боли не виден,

За не сдержанной речью

Ты едва ль понимала,

Что урок бессердечья

Своим внукам давала.

Ни к чему оправдания –

Они память тревожат;

Стариков ожидания

Вы поймёте, быть может,

Не удержишь и малости –

Дни спешат бегунками,

Невозможно от старости

Откупиться деньгами.

Это было бы юнцу

И смешно, и печально –

Только insult к отцу
Подобрался недавно.
Он лежит и молчит,
Взглядом помощи просит –
Время ласточкой мчит
И с собою уносит.
Не заботьтесь о нас,
Мы живём как придётся,
Что в назначенный час
Нам, быть может, зачтётся,
Это время придёт
Неожиданно – знайте.
Вы тогда без забот
И легко отдыхайте.

П.1990

Силы небесные! Что вы хотите,
Светом сверкаете, громом летите.
Видно, на нас велико возмущение,
Или несёте вы нам очищение.
Выросли мы по велению времени
В веке двадцатом из грозного семени,
Но не забыли под пологом неба
Вкуса ржаного душистого хлеба.
Много оружия мы наковали,
Только от смерти спасёт нас едва ли.

Может, поэтому вы и грохочете
И нам бесславную гибель пророчите.
Силы небесные! Нас не вините.
Наша эпоха, увы! – не в зените.
Все, что свершили по сердца велению,
Все отдаем мы детей поколению.
Как нам узнать, что живём не напрасно?
Были желанья чисты и прекрасны.
Много ошибок, живя, совершили,
Но, несомненно, мы были, мы жили.
V.1990

Надежда горькая, как дым,
Ещё в сердцах родных дымится,
Потухшим взглядом и больным
Уже не различает лица.
В груди не стук, а тихий шум,
Мир звуков надвое расколот,
Не слышно цепенеет ум,
Плывёт по телу зыбкий холод.
И всё. Остались за спиной
Утихшие земные звуки,
Да за могильною канвой
Протянутые скорбно руки.
Стоит железная кровать,
Хранящая изгибы тела:

Соседи станут вспоминать
Его улыбку, речь и дело.
Лежит отточенный топор,
А рядом с ним точильный камень,
Не будет перестроен двор
Его умелыми руками.
А по Земле идёт весна,
И снег темнеет и садится,
С нависшей ветки у окна
Победно тенькает синица.
Зима уходит, слава Богу,
Над головой голубизна.
Настоянный на вербе воздух
Мне выпить хочется до дна.
Весна идёт, и силы нет
Остановить её движение,
Она несёт тепло и свет –
Могучей силы продолжение.

IV.1990

Зима ещё не замирилась,
Морозит лужи по ночам,
Верба от спячки пробудилась
Навстречу утренним лучам.
Её пушистые серёжки
Качает ветер озорной,

Ветвями стучает в окошко
И исчезает за стеной.
Весной под крышей не сидится,
И в этом я не виноват,
Что желтобрюхие синицы
По-птичьи что-то говорят.
Скворец им отвечает свистом,
Кругом посмотрит, помолчит,
То трель исполнит соловьиство,
То жеребёнком закричит.
Весной мне грустно, грусть светла,
Не объяснить её словами,
Весной любовь ко мне пришла
С лучисто-нежными глазами.
Давно исчезли, заросли
Травой зелёною тропинки,
И годы пылью залегли,
И залегли пучком морщинки.
Мы пополнили, и у нас
Походки легкой не осталось,
Порой я вижу, что у глаз
Лежит непрошено усталость.
Судьбы добра и зла сплетенье,
Мы милости у вас не просим –
После весеннего цветенья,
Как рок – всегда приходит осень.

IV.1990

Тридцать лет мы
На Севере крайнем прожили,
Этой жизнью прожить я желаю другому!
Мы над Родиной нашей,
Как птицы, кружили,
Но вернулись обратно к отцовскому дому.
Было это село и большим, и богатым,
Старики тут смеялись,
Резвились весёлые дети,
Но за пять пятилеток
Всё это куда-то девалось,
Истекли и истаяли горькие радости эти.
Словно буйный набег
Совершил злой кочевник-воитель,
Угоняя людей и сжигая
Чужие труды,
Оскверняя жилища и храмы –
Христову обитель,
Оставляя в наследство грядущим -
Развалин следы.
Все, что я расскажу,
Ты, быть может, поставишь в сомненье,
Говоря убеждённо и веско,
Что эта Эпоха – не та,

Но из каждого дома, как божье знаменье,
На нас смотрит в упор пустота, нищета.
На нас смотрят в крест на крест
Забитые окна и двери,
На могилах у предков
Упавшие наземь кресты,
Как же мы допустили
Такие большие потери,
При богатстве таком
Допустили приход нищеты.
Я стою у забитого крепкого дома
И прошу вас представить хотя бы на миг,
Что во всём виновата идея бредовая,
Что вела нас, как знамя,
Как боль, в безнадёжный тупик.
Может быть, от того,
Что в стремлении сытом
Мы как будто не стали уже замечать,
Что давно проживаем в израненном быте
И боимся нарушить молчанья печать.

IV.1990

Радоница. Радоница –
Это день поминовенья.
Радоницу ждём во вторник,
Ни в четверг, ни в воскресенье.

Этот день ушедшим – лучший,
Только раз в году бывает,
Всех ушедших предков души
Свои крылья обретают.
Посмотри на поднебесье!
Там несётся птичья стая,
А, быть может, в стае тесной
Чьи-то души улетают,
Может, наши души знают,
Как им в птицу превратиться,
И в небесной дымке тают,
Улетая вереницей.
Радоница. Радоница –
Это день поминовенья,
Не забудьте поклониться
Всем ушедшим поколениям.
Они праведно служили
Богу, Славе и Отчизне
И оставили, где жили,
Нам с тобой частичку жизни.
Приходите поклониться
Нашим предкам при свиданье.
Здесь невидимая жрица
Принимает покаянье,
Только вы не говорите
Про обиды и утраты,

Будете весь год и сыты,
И здоровы, и богаты.
В Радоницу. В Радоницу –
В судный день поминовенья
Не забудьте поклониться,
Попросить за все прощенья.
За обиды и страдания,
Что нанёс, что жил не строго,
За корыстные желанья
У отцовского порога.

1990

Над горизонтом даль синееет,
И малахитом зеленеют
Листвой одетые леса,
Полупрозрачны небеса.
Как молчаливые девчонки,
Стоят берёзки и сосёнки,
А перед ними на лужайке
Жарки огнём пылают жарко,
И стонет где-то на опушке
От одиночества кукушка.
Я стою, дышать не смею,
Готов отдать я, что имею,
Чтоб все навеки сохранилось
И внукам нашим повторилось,

Чтоб по утрам ложились росы,
И как всегда гремели грозы,
Дождями падая грибными
И поднимаясь золотыми
Колосьями. Волшебник Боже,
Дай нам сил, терпенья тоже,
Дай нам гибкого ума,
Души пробудить от сна,
Чтоб девчонки и мальчишки,
Побросав поспешно книжки,
Мчались в юную страну
Слушать в поле тишину,
Сквозь ветвистые узоры
Видеть утренние зори,
С любопытными глазами
Быть бок о бок с чудесами.
И тогда они, быть может,
Что-то в жизни приумножат.

VII.1990

Дороги же не я придумал!
Судьба придумала за нас.
Она разлуки мерным гулом
Сопровождает каждый раз.
Вот и сегодня в шуме этом
Большого шумного вокзала:

«Мой милый, наша песня спета», -
Мне кажется, что ты сказала.
Ты в платье белое одета,
С улыбкой легкой на устах
Душой уже летаешь где-то,
В знакомых, может быть, местах.
Я остаюсь. Я это знаю.
Молитвой горькою шепчу:
«Любовь моя, любовь земная,
Не улетай, я не хочу».
Сердца бездумно напитала
Любовь, как ландыш, сладким ядом.
Разлука и надежда стали
Ходить, как тени, с нами рядом.
VIII.1990

Любаше.
Погрусти обо мне,
Если только внезапно прервется
Сердца стук моего, что
Служило мне множество лет.
В этот миг, может быть,
Лебединая стая взовьётся,
Или вспыхнет на небе
Звезды умирающей свет.
Не сердись на меня,

Если чем-то останусь обязан,
Если выполнить я обещаья
Свои не сумел,
Если я не купил
Золотые серёжки с алмазом,
Подарить десять кос,
Как хотел, не успел.
Милый друг мой!
Мы жили с тобою
Все годы достойно,
Мы любви и Отчизне служили,
Писали для сердца стихи,
Только мне, друг мой нежный,
Бывает тревожно и больно,
Если нас обвиняют
За чьи-то чужие грехи.
Не забудь обо мне,
Сохрани в своей памяти свежей
Наши глупые речи, касания губ или рук.
Мы все те же с тобою,
Что были при встрече,
Только снова едва ли
Мы встретимся вдруг.

VIII.1990

У Корякского вулкана,

Отдыхая после дел,
На расчищенной поляне
В небо синее глядел,
А на небе тучи, тучки,
Дождевые облака
Вольно мчатся, подставляя
Ветру буйному бока.
Почему, скажи на милость,
Равенства в природе нет!
Мне внизу – лишь мрак и сырость,
Им вверху – простор и свет.
И плывут неторопливо
Без нужды и без забот,
Я копаюсь терпеливо
На участке, словно крот.
И в четверг, и в понедельник
Видят Землю с высоты,
Я же вижу можжевельник
Да ольховые кусты.
Говорят, что где-то в мире
Есть счастливая страна,
Там и окна в доме шире,
Есть чудовинка одна:
Ты шагаешь, а в кармане
Чёрный ящичек лежит,
Воздух сух, как в финской бане,

Пот безудержно бежит.
По жаре такой шагая,
Вспомнишь сразу отчий край,
Неприятна жизнь такая,
Хоть ложись и умирай.
Но потом, собравши силы,
Кнопку в ящичке нажмёшь,
Тотчас же польется милый
И прохладный летний дождь.
Говорят и, видно, знают,
Раз до этого дошло, что оттуда
Прилетает к нам на Землю Н Л О.
Раз садятся, то нечестно
Невидимками ходить,
Встретиться бы интересно,
Посидеть, поговорить.
Я бы им сказал: «Земляне
Ценят ваш, пришельцы, ум»...
Вдруг услышал на поляне
За спиной какой-то шум.
Оглянулся, повёл глазом
И увидел космолёт,
Испугался так, что разом
Выступил холодный пот.
А по трапу космолёта,
Поправляя свой мундир,

Опустился наземь кто-то –
Штурман или командир.
Слышу голос тихий:
«Здравствуй!» Я: «Здорово!» – говорю,
Сам поспешно для защиты
Палку толстую беру.
Он смеется: «Брось! Не надо!
Палка – это не топор,
Лучше сядем мирно рядом,
Лучше драки – разговор.
Или, может, извиниться,
Ты меня сюда позвал?
Перестань, мой друг, сердиться,
Что невольно испугал.»
«Что бояться?» – я ответил, -
«Посидим, поговорим».
Он лицом умён и светел,
Я – один и он – один.
Солнце клонится к закату,
День спокоен и хорош,
Не запомнить эту дату
Мне нельзя, а то – запьешь.
Вот и день мгновеньем минул:
«Как живу? Ты знаешь сам.
Ты вот дверь слегка задвинул
И летишь по небесам,

Набираешь скорость света,
Сам – и раб, и господин,
Не берёшь с собой при этом
Ни бензин, ни керосин.
Мне вот эту колымагу
Продали и будь здоров,
И оформили бумагу,
И катись, Иван Петров.
Ну, а где беру запчасти,
Где бензин и что плачу,
О бессилье высшей власти
Даже думать не хочу.
Ну, а ты, когда летаешь,
Где же топлива берёшь?»
«Это очень просто, знаешь,
Расскажу, и ты поймёшь!
Изучали мы комету,
Что по эллипсу летит,
И заметили при этом –
Все тела – большой магнит.
Если принцип притяженья
В нашу технику внедрить,
Это будет достижение,
Это чудо может быть.
И учёные планеты
Долго думали, и вот

Совершили чудо света.
Это чудо – космолёт.
Не страшна любая дальность
И его прекрасен вид,
Измени, как луч, полярность,
И машина полетит.
Вижу я, ты строишь домик,
А деревья повалил,
Наш совет планеты, словом,
Он бы вас не похвалил»
«Я не понимаю будто,
Хлеб посеешь – будешь жить.
Ведь у нас сейчас продукты -
Дефицитов дефицит.
Буду я по воле божьей
Домик строить года два»...
«Что так долго?» «Возраст все же,
Силы теплятся едва!»
«Так, давай сидеть не будем,
Строить я б тебе помог,
Утром пусть предстанет людям
Домик, чудо-теремок!»
Я подумал: «Ну и ночка.
Строить я не буду, шиш!
В этом чудо-теремочке
На Юпитер улетишь»,

А ему сказал: «Не надо.
Не оценишь никогда
Этот домик – терем с садом,
Не оценишь без труда!»
Долго мы сидели рядом,
Мысли путая в кольцо,
И смотрели тёплым взглядом
Он – в лицо и я – в лицо.
А потом, плечо потрогав,
Он сказал, не пряча глаз:
«Не хотел бы я в дорогу
С ним лететь уже сейчас?»
Я сначала удивился,
А потом спросил: «Куда?»
Он махнул рукой,
Светилась в небе яркая звезда.
«Нам лететь к звезде полгода
И обратно – будет год.
На Земле – закон природы,
Как во сне – сто лет пройдёт.
Внеземному просвещенью
Нами шанс впервые дан,
Чтобы после возвращенья
Была польза для землян.
Мы бы вам основы дали
Технологии полета,

Конструктивные детали,
Примененье космолёта,
Формулы редчайших сплавов,
Лёгких эластично-жарких
Для полетов быстро-плавных,
Тканей прочных, тёплых, ярких.
Чтоб учёные земные
Избежали повторенья,
Мы б расчётами снабдили
До шестого измеренья.
Мы бы память разбудили –
Клад могучего резерва,
Чтобы вы – земляне, были
Цепь космического нерва.
Мы космические братья,
И роднит нас с вами разум,
Нам пора скрестить объятья
И решить задачи разом.»
Он умолк и ждал с надеждой,
Что ответчу я ему,
Рядом я сидел, как прежде,
И молчал, смотрел во тьму.
Поразила меня фраза:
«На Земле сто лет пройдёт...»
Значит, в сотню кратных раза
В космосе короче год.

Значит, не увижу внучку,
Дочь Алёну и жену,
Над вулканом белым тучку,
Дождь и снега пелену,
Не услышу запах моря,
Птичьих песен, шум грозы,
На Земле оставлю зори,
Лепет внучки–егозы.
И такую вдруг тревогой
Стала грудь моя полна,
Что решил я: «Мне дорога
В неизвестность не нужна»...
Мчатся через мрак и холод
От того, где рос и жил,
Не могу, уже не молод,
Не найти мне столько сил.
На земле своей трудился,
Где хочу я жить и впредь,
А потом, как и родился,
Незаметно умереть.
Пусть изгажена, изрыта
Эта древняя земля
И снарядами избита,
И больная – но моя!
Мне не нужно славы бремя,
Шум восторга и похвал,

Прахом их укроет время,
Унесёт столетий шквал.
Он все понял и поднялся,
И сказал: «Ему пора»,
И ушел, а я остался
У вулкана до утра.
И в тревожном нетерпенье
Я сюда спешу опять,
Чтоб унять свое волнение
И подумать, и понять,
Почему мне ночью снится
Эта встреча? Я хочу –
Пусть все это повторится,
И я в космос улечу.

1990

Памяти А. Терещенко.
Своей рукой другую руку
Ему с улыбкой не пожать,
Печаль, тревогу, счастья муку
Не передать, не передать.
Не встать, как прежде, спозаранку,
Когда капель дождя звенит,
Дорожный ветер за баранкой
Не опьянит, не опьянит.
И сердце, устали не зная,

Всегда стучало и молчит.
И похвала друзей скупая
Не ободрит, не ободрит.
Стоят на страже обелиски -
угрюмой вечности приют,
да ветер пролетает низко,
да птицы вещие поют.

XI.1990

Дождём и ветром в окна бьет.
Брожу по комнатам, как тень,
И непрерывно дождь идёт,
Уже идёт четвёртый день.
Сквозь дождь струится тусклый свет,
И душу мучает тоска,
На всей Земле, быть может, нет
Уже сухого уголка.
Плывут по лужам пузыри,
Гудят от ветра провода,
И дождь сквозь сито упыри
Не остановят никогда.
А по асфальтовой реке
Бежит, спеша, машин волна,
И в тучах где-то налегке
От нас упряталась Луна.
Горит экран, там В. Леонтьев –

Звезда среди эстрадных звёзд,
Поет, танцуя, и лохмотья
Свои бросает на помост.
С экрана белого смеется
Над нами дерзко жизнь сама,
И как нам только удастся
Так жить и не сойти с ума.

XI.1990

Ах, надоело! Ну, так надоело!
Это проклятое нудное дело –
Рано вставать и спешить на заправку,
Вынести вновь нервно-зыбкую давку,
Время провести в ожидании долгом,
Может, и правда, забыты мы Богом?
Выйдет и скажет заправщица Зина,
Что, мол, не ждите, не будет бензина,
Лучше, как мы, уезжайте на завтрак –
Не будет бензина, наведайтесь завтра.
Злые водители выплеснут страсть,
Матом ругая Советскую власть,
Грязно ругая заправщицу Зину,
В Парламенте споры, законов корзину.
Крикнут: «В Парламенте лишь дураки –
Косыгины, Ельцины и Собчаки»...
И уезжают, нахмутивши бровь,

Чтобы назавтра встать в очередь вновь.

XI.1990

Распрекрасная Венера,
Пролетая на Восток,
Уронила утром ветренным
Хрустальный башмачок.
Обронила, улетела
И его искать не стала,
Посреди лесного плена
Башмачок лежать оставила.
И с тех пор в бору сосновом,
Как горящий уголёк,
Светится в траве зелёной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.